
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РАМКАХ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ «ЯЗЫК—ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ» ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

А.М. Новикова

Кафедра иностранных языков
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются частные вопросы перевода художественных текстов в аспекте ассоциативного поля.

Ассоциативные поля стали объектом лингвистических изысканий относительно недавно, и по сравнению с текстом — главным источником наших знаний о языке — это объект совсем молодой. Ассоциативные поля не даны исследователю непосредственно, а выстраиваются в ходе специально поставленных экспериментов с носителями языка. Ассоциативные поля фиксируются, как правило, в ассоциативных словарях, и представленный в них языковой материал изучается в разных аспектах.

Исследования последних трех десятилетий позволяют говорить о нескольких типах структур, которые можно наблюдать в ассоциативном поле, превращая его в единицу языка. Обобщая известные работы в этой области, данные структуры можно распределить по следующим группам: лексическая, морфологическая и синтаксическая структуры ассоциативного поля, которые, охватывая основные системные уровни языка и объединяясь в единую лексико-грамматическую надструктуру, представляют собой собственно язык «в самом себе и для себя». Эта лексико-грамматическая надструктура, репрезентируя язык как таковой, охватывает все без исключения элементы ассоциативного поля.

Когнитивная структура ассоциативного поля, суммируя единицы хранения знаний и оперирования ими и отражая языковую картину мира, как бы воссоздает структуру мысли и репрезентирует тем самым отношение «язык и человек», ибо нет знаний без их носителя, как и не существует «картины мира» без воспринимающего ее.

Единицы же, формирующие прагматическую структуру поля, репрезентируют запечатленное в языке отношение «человек — действительность».

Наконец, последней из обсуждавшихся в соответствующей литературе структур ассоциативного поля принято считать его статистическую структуру, которая является чисто формальной, не зависящей от содержательного его наполнения, от конкретной национально-языковой специфики. Данная структура призвана лишь квалифицировать степень адекватности полученного тем или иным путем состава поля внешним параметрам «единицы владения языком» —

золотому сечению, оптимальному числу составляющих поле элементов и стабильному среднему числу ранговых показательных частот.

Однако из трех взаимосвязанных сущностей, определяющих процесс функционирования языка, «язык» — «человек» — «действительность», мы учли попарное взаимодействие только двух из них (язык — человек и человек — действительность), поставив им в соответствие когнитивную и прагматическую структуры ассоциативного поля. Между тем важнейшему отношению «язык — действительность» не соответствует никакая из известных ассоциативных структур.

Такая особая структура существует, но в литературе она не обсуждалась. Исходя из того, что в семиотике отношение знака к реальности принято именовать «семантикой», представляется целесообразным определить характер ассоциативной структуры, учитывающей отношение языка к реальности как «семантический». А опираясь на тот факт, что схематические контуры этой ассоциативной структуры, ее структурообразующие точки, будучи достаточно четкими, задают вполне определенный, целостный «образ» фрагмента, «кусочка» реальности, стоящей за тем или другим ассоциативным полем, этот «образ», эти контуры предлагается назвать «гештальтом». Гештальт (от нем. Gestalt образ, форма) — функциональная структура, которая по присущим ей законам упорядочивает многообразие отдельных явлений. Этот термин был предложен гештальтпсихологией и первоначально применялся к описанию психики, но в дальнейшем был распространен на область физических, физиологических, социальных и других явлений. Таким образом, есть все основания, чтобы новую ассоциативную структуру именовать «семантическим гештальтом».

Семантический гештальт ассоциативного поля начинает вырисовываться, когда при последовательном и сплошном чтении статьи ассоциативного словаря мы обнаруживаем, что ответы (реакции) испытуемых тяготеют по своей семантике к определенным характеристикам стимула, группируясь естественным образом вокруг нескольких (как правило, частотных в статье) реакций-концептов, которые в самом общем виде обозначают типовые свойства референта, стоящего в данной культуре за именем поля, т.е. за стимулом. И эти группировки и свойства не повторяют лексико-категориальных структур, т.е. не сводятся к синонимическим, антонимическим и т.п. отношениям, как и не проявляют изоморфности к перечню значений полисемантического стимула. Не совпадают эти естественным образом формирующиеся группировки ни с единицами когнитивной структуры, ни с единицами прагматической структуры поля. Они скорее воссоздадут типовую для данной национальной культуры модель того референта, которая соответствует стимулу в окружающей носителя данного языка реальности.

Так, например, обратившись к ассоциативному полю ГОРОД, носитель языка интуитивно готов соединить реакции *большой*, *герой* и *красивый* в одну группу, тогда как *родной*, *детства* и *любимый*, так же как и первые три, характеризуя какие-то положительные, «хорошие» стороны, или свойства, ГОРОДА-реальности, но будучи снабжены при этом еще эмоционально человеческими составляющими, требуют выделения их в самостоятельную группу. Но совер-

шенно бесспорно обеим намеченным группировкам противостоит множество, объединяющее слова *шум, грязный, грязь, дым*, которое тоже отражает неизбежное свойство, связываемое с современным городом в современном мире, т.е. в нашей повседневной реальности, в нашей культуре. И если первая намеченная группировка обрисовывает некий идеал — *большой, грандиозный, великий, будущего, радости, город-сад*, то последняя сосредоточивается на печально отрицательных качествах урбанизации — *помойка, пыль от машин, трубы, газ, трущобы*, — обобщая закрепленные в языке типизированные свойства рассматриваемого референта и воплощая тем самым искомое отношение «язык — действительность».

Двигаясь таким образом по ассоциативному полю и переходя от одной реакции к другой, мы можем квалифицировать каждую из них по ее причастности к тому или другому стереотипному свойству данного референта в данном языке. В итоге этой процедуры мы получаем довольно компактную структуру из 5 — 8 свойств для самых разных имен конкретного содержания. Такая структура для слова ГОРОД выглядит следующим образом.

Семантический гештальт в ассоциативном поле ГОРОД

I. Большой, молодой, красивый (148):

— большой 55, герой 24, огромный 4, крупный 2, миллионный, областной, столичный, великий, грандиозный; вперед идущий, автомобильный, индустриальный, каменный, высотный, цивилизация; маленький 2, небольшой 2;

— молодой, будущего 4, новый 2, молод, строится, строят, строиться; древний 4, старый 3, славный;

— красивый 10, сад 2, великолепный, прекрасен, белый, зеленый, золотой, радости 8, сказок.

II. Москва и деревня (144):

— Москва 17, Челябинск 14, Саратов 8, Горький, Пермь 5, Ленинград 4, Курск 3, Владимир, Калинин, Лондон 2, Альдопардо, Батуми, Бухара, Градов, Златоуст, Иерусалим, Клиффорд, Назрань, Новгород, Нью-Йорк, Рига, Таллин, Торжок;

— деревня 36, село 20, населенный пункт 4, поселок, пригород 2, город, селение, столица.

III. Жизнь и люди (106):

— родной 22, мой 8, детства 7, юности, жизни, любимый, наш; стоит, жил, жить, существовать; дом 6, квартира, люди 5, родина 3, детство, домой; незнакомый 2, чужой;

— тихий 2, тих, затих, деревянный, чистый, светлый 4, светло, солнечный, вольный, счастья, удачи, надежды 8;

— спит 9, спал 2, ночной 2, ночь, не спит, вечерний, вечером, просыпающийся.

IV. Серый и грязный (61):

— серый 2, шум 6, шумный, грязный 5, грязь 4, помойка, пыль, пыльный, в пыли, пыль от машин, дым 4, в дыму, дымный, трубы, газ, душный;

— в тумане 2, мираж, странный 2, неважный, агломерат, конгломерат, скопление пороков, бардак, суматоха, муравейник, спрут, лес;

— дураков, скучно, пустой, безлюдный, безымянный, надоел, не нравится, урбанизация;

— трущобы, голод, мор, обреченный, разрушить, смерти, умер.

V. Дома и машины (45):

— дома 15, здания, много домов, многоэтажные здания, строения, стена;

— башня, изба, коробка;

— банк, завод, замок;

— огни 2, в огнях, много огней;

— улица 2, улица с фонарями, площадь, проспект, народ, толпа;

— машина 5, автобус, метро, трамвай.

VI. Город в текстах культуры (30):

— принял 6, Зеро 5, любимый 5, солнца 3, сад 2, большая деревня Москва, на Неве, над Невой Санкт-Петербург, невест Иваново, будет, врунов, лгунов, мастеров; огород.

VII. Город в географическом пространстве (16):

— страна 2, провинция 2, район; далекий, далеко, на карте; самолет; в Крыму, на Волге, на море; река 2, берег.

Здесь надо сделать несколько замечаний, объясняющих и уточняющих как процедуру выявления семантического гештальта, так и сам результат. Прежде всего мы констатируем, что референт, стоящий за этим словом в современном русском языке, обладает следующими постоянными свойствами; он большой и красивый (I); он, как и конкретные его воплощения (Москва, Торжок), противопоставлен деревне (II); он наполнен жизнью и людьми (III), домами и машинами (V); одновременно он серый, грязный и несет беды человеку (IV); он довольно разнообразно представлен в прецедентных текстах национальной культуры (VI) и определенным образом ориентирован в географическом и административном национальном пространстве (VII).

Перечисленные характеристики названы по наиболее частотным для каждого свойства элементам ассоциативного поля и расположены в схеме гештальта в порядке убывания суммарной частоты элементов, содержательно репрезентирующих соответствующее свойство. Набор свойств, обозначенных римскими цифрами, задает тип гештальта, а наполняющие каждое из множеств элементы ассоциативного поля определяют содержание гештальта. Тип гештальта для носителей одного и того же языка и одной и той же культуры остается, по-видимому, постоянным, тогда как его содержание может отличаться в зависимости от времени построения ассоциативного поля (ср. поле ГОРОД в РАС-1 и в словаре под ред. Леонтьева) и от групп испытуемых — носителей языка (ср. ГОРОД в РАС-1 и в словаре Ульянова).

Колебания в содержательном наполнении типовых свойств гештальта естественны и ожидаемы, поскольку в языке мы имеем дело с нечеткой логикой, нечеткими правилами вывода, нечеткими связями, нечеткой истинностью и размы-

тыми множествами. Ассоциативное поле представляет собой яркий образец размытого, нечеткого множества. Семантический гештальт, с точки зрения содержательного наполнения его составляющих, не представляет исключений в этом отношении. Однако тип гештальта, сохраняя постоянство в рамках одной культуры, обладает универсальными характеристиками, межкультурная тождественность которых позволяет проводить сопоставления и выявлять национальные составляющие семантического гештальта.

Семантический гештальт русского ассоциативного поля ГОРОД был сопоставлен с соответствующими гештальтами украинского, латышского, венгерского и испанского языков. Это сопоставление позволило выявить сугубо русскую специфику типа гештальта. В рамках одной статьи мы не имеем возможности привести данные ассоциативных полей всех перечисленных языков, сгруппированные в семантический гештальт. Однако данное исследование позволяет выявить национальную специфику семантического гештальта и ассоциативного поля в целом — как на уровне составляющих гештальт зон, так и на уровне наполняющих зоны слов и словосочетаний. Семантический гештальт предлагаем считать новым типом ассоциативной структуры, который позволяет проводить межкультурные сопоставления, выделяя универсальную часть типа гештальта и его национально-культурную специфику. Раскрывая содержательно отношение «язык—действительность» в рамках ассоциативного поля, семантический гештальт может стать эффективным инструментом анализа ассоциативного пространства в художественном тексте.

Такое рассмотрение преследует прежде всего герменевтические цели, т.е. выводит исследователя на толкование текста, его понимание читателем, поскольку статус ассоциативного поля как единицы языковой способности позволяет концентрировать внимание именно на восприятии текста его адресатом-реципиентом, обладающим той же самой или очень похожей на авторскую ассоциативно-вербальную сеть, в рамках которой порожден анализируемый текст и фрагментами которой являются построенные на его основе ассоциативные поля. Но одновременно предлагаемый подход раскрывает и некоторые стороны образа автора текста, поскольку источником последнего послужила его субъективно-авторская ассоциативно-вербальная сеть и нашедшая в ней воплощение персональная картина мира автора. Следовательно, образ автора и образ читателя в этом случае вступают во взаимодействие, и тот и другой «участвуют» в анализе текста.

Таким образом, при обучении переводу художественного текста следует различать две стороны: методическую и методологическую. Первая заключается в том, что все полнозначные слова текста без остатка распределяются по выделяемым исследователем ассоциативным полям, т.е. каждая обладающая лексическим (не грамматическим, не сугубо синтаксическим) значением единица обязательно находит свое ассоциативное поле.

Методологический же смысл заключается в открытии новых свойств ассоциативного поля, его функций в завершённом связном тексте и в утверждении

нового метода анализа художественного текста, а именно такого «участного» анализа, в котором отправитель текста и его реципиент на равных с исследователем участвуют своими ассоциативно-вербальными сетями в его толковании, т.е. образ автора и образ читателя, взаимодействуя, помогают филологу-переводчику дать адекватную интерпретацию рассматриваемому тексту.

**USE WITHIN THE FRAMEWORK OF AN ASSOCIATIVE FIELD
OF FUNCTIONAL STRUCTURE «LANGUAGE — REALITY»
WITH THE INSTRUCTION IN TRANSFER
OF THE ARTISTIC TEXTS**

A.M. Novikova

Department of foreign languages
Russian People's Friendship University
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

In the article are examined particular questions of the transfer of artistic texts in the aspect of associative field.